

Тимур Суворкин

Убийство
в летнюю
ночь

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С89

Иллюстрация на переплете – *Raskoraka (Валерия Кобыльченко)*

Карта на форзаце – *Тимур Суворкин*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Суворкин, Тимур Евгеньевич.
С89 Убийство в летнюю ночь / Тимур Суворкин. – Москва : Эксмо, 2026. – 320 с.

ISBN 978-5-04-247622-8

Лето 1853 года. Крым, солнце, виноградники...

На залитый солнцем полуостров прибывает обаятельный англичанин Арчибальд Уайт, торговец шерстью, авантюрист и сердцеед. Он поселяется в усадьбе состоятельного купца Фрола Чертопузова и быстро становится желанным гостем в лучших домах губернии.

Однако новый легкомысленный роман Уайта оборачивается самыми страшными последствиями. Ревность, соперничество и уязвленная гордость приводят к убийству.

Под беззаботным небом Крыма начинается смертельная дуэль между сыщиками и изворотливыми преступниками, готовыми пойти на все, лишь бы избежать наказания. Ложные обвинения, замечание следов, сфабрикованные улики...

Сумеют ли сыщики добраться до правды или преступникам сойдет с рук убийство, случившееся в летнюю ночь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247622-8

© Суворкин Т.Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	50
Глава 5	76
Глава 6	91
Глава 7	115
Глава 8	141
Глава 9	164
Глава 10	189
Глава 11	207
Глава 12	228
Глава 13	241
Глава 14	255
Глава 15	272
Глава 16	288
Глава последняя	304
Эпилогия	308

*А на крымском берегу вина красные,
А на крымском берегу зори розовы,
А на крымском берегу маки алые,
А этюды там сплошь багровые.*

ГЛАВА 1

Это убийство потрясло всю страну — сам государь разбирал дело и лично поставил в нем точку. Однако это потом уже было, по зиме, а началось все в мае 1853-го, когда пароход «Оберон» прибыл в гавань Феодосии.

Едва могучие трубы перестали пятнать небо угольным дымом и матросы приняли швартовочные канаты, как на палубе корабля появился весьма примечательный пассажир.

Он был высок, строен и непростительно хорош собой. Его волосы отливали медью, а лицо отличалось редким, почти античным благородством черт. Летний костюм из чесучи цвета слоновой кости сидел на нем безукоризненно, а начищенные штиблеты с серебряными пуговицами блестели так, что поспорить с ними могла, пожалуй, лишь сверкающая улыбка путешественника.

В правом кармане пиджака пассажира лежала новенькая, еще пахнущая кожей записная книжка, а также пухлая стопка визиток. «Арчибальд Уайт.

Торговец шерстью. Ливерпуль» — гласили буквы, вытесненные на дорогом кремовом картоне. В левом кармане находились две самые необходимые в любом путешествии вещи: кастет и паспорт. Из последнего можно было узнать, что вчера прямо на борту парохода этот примечательный господин отметил свое тридцатилетие.

Подали трап, и Арчибальд Уайт ступил на пристань с той молчаливой, ненавязчивой элегантностью, что отличает человека, привыкшего к длительным путешествиям. В руках он держал свою любимую трость с набалдашником в виде серебряного волка и более ничего. Все чемоданы, а их было немало, тащил его компаньон Джеймс Гамильтон, буквально согнутый под тяжестью этой непосильной ноши. Джеймс был младше Уайта и по должности, и по возрасту, а потому именно на его плечи ложилась вся черная работа.

— Дружище, прошу вас расторопнее, нас ждет начальство, будет некрасиво, если мы опоздаем, — бросил Уайт согнувшемуся под весом чемоданов коллеге и, поигрывая тросточкой, направился к зданию таможни.

Вскоре документы были проверены, чемоданы осмотрены, и двое англичан вышли на пыльную улицу, что вела в город. Феодосия встретила их той особой, лихорадочной жизнью, какая бывает только в портовых городах: гам разноязычной толпы,

крики возниц, ржание лошадей, доносящийся из гавани скрип лебедок и кранов, визг тележных колес по щебню.

Стояла жара. Воздух был зыбок от марева, однако зной не страшил господина Уайта. В свое время он успел поработать в Калькутте. После влажного, удушающего индийского пекла раскаленный крымский полдень казался ему почти ласковым.

Англичанин с наслаждением вдохнул горячий воздух. Пахло морем и рыбой, дегтем и смолой, горькой полынью и цветущими в садах абрикосами, а над всем этим стоял стойкий, плотный, животный дух нагруженной в телеги овечьей шерсти. Господин Уайт чуть заметно ухмыльнулся и покрепче сжал трость.

Нанимать извозчика они не стали: контора была в четверти часа ходьбы от порта, а господин Уайт считал умеренные физические нагрузки весьма полезными для здоровья.

— Взгляните, дружище, верблюды! Уж не сошли ли мы по ошибке где-нибудь в Индии? — Уайт белозубо улыбнулся и указал тросточкой на запряженных в повозки дромадеров.

Гамильтон, который пытался одновременно отереть пот со лба и удержать в руках все чемоданы и бесчисленные свертки, лишь промывчал в ответ что-то невразумительное. Господин Уайт вздохнул: он всегда считал, что Гамильтон как собеседник

оставляет желать лучшего, однако, будучи человеком великодушным, прощал коллеге данный недостаток.

Миновав несколько улиц, англичане дошли до аккуратного двухэтажного дома, где располагалась контора. На первом этаже сидело несколько клерков, называемых в России забавным словом *prikazchiki*. На втором находился кабинет Аластара Невермора. Внутри было прохладно и тихо — лишь скрипели перья да шуршали перекладываемые бумаги.

— Чемоданы сюда, — мгновенно распорядился господин Уайт и взмахом трости указал в дальний угол зала. Едва живой Гамильтон тут же свалил туда свою нелегкую ношу, после чего в изнеможении прислонился к стене.

Уайт наблюдал за его действиями со снисходительным одобрением. Помощник его был человеком способным, хотя и требовал еще огранки.

Взяв трость под мышку, Арчибальд Уайт поднялся по лестнице и знаком указал запыхавшемуся Гамильтону идти следом, в кабинет начальника.

Главе конторы было около пятидесяти. Господин Невермор был угрюм, точно вечер декабря. Старомодный костюм цвета воронова крыла еще больше усиливал это впечатление. Не подавая гостям руки, он указал на кресла.

— Много слышал о вас, — холодно произнес Аластар Невермор.

— Надеюсь, сэр, только хорошее, — проговорил Уайт с легкой, почтительной улыбкой.

— Про мистера Гамильтона только хорошее, а вот про вас всякое, — черные глаза Невермора были пронзительны и неприветливы. — Я прекрасно осведомлен, за что вас вышибли из Калькутты.

— Это была досадная случайность. — Уайт с трудом выдавил из себя очередную улыбку.

— Случайность? Как можно «случайно» завести роман с дочерью раджи? О чем вы думали? Мистер Уайт, я не знаю, как было принято вести дела в нашем индийском отделении, но моя контора известна всем своей безупречной репутацией. Никаких скандалов я не потерплю. Никогда.

— Уверяю, все это в прошлом.

Лицо Невермора изменилось, глаза опасно сощурились.

— В прошлом? Как вы смеете мне врать? Вы даже на пароходе успели завести роман и закончили его отвратительным скандалом на глазах у всей публики!

Уайт почувствовал, как по спине бегут мурашки. Он не понимал, как начальник мог об этом узнать.

Невермор лишь усмехнулся:

— Что вы на меня так смотрите? Это же очевидно. Элементарная цепочка логики. Факт первый: у вас сбиты костяшки на левой руке. Ссадины едва начали заживать — вы сбили их совсем не-

давно. Факт второй: вы правша. Входя в кабинет, вы переложили трость в левую руку, освобождая правую для приветствия.

Теперь перейдем к вашей трости. Она сработана мастерски и находится в прекрасном состоянии. Лак на ней свежий, однако серебряный набалдашник выглядит истертым, инициалы «A.W.» читаются плохо. Значит, вы владеете ею много лет, крайне любите и относитесь к трости очень бережно. Тем больше обращает на себя внимание глубокая свежая вмятина на древесине. Итак, что все это означает? Вчера на вас внезапно напали и попытались ударить чем-то тяжелым. Инстинктивно вы парировали удар тростью, а затем уgomонили нападавшего ударом левой руки. Подозреваю, били в челюсть. Одного удара хватило, ведь отметина на трости тоже лишь одна, а костяшки правой руки в целости. Вопрос: где на пароходе джентльмен появляется с тростью? Ответ: на прогулочной палубе или в кают-компании. И там и там всегда много людей. Кто же мог напасть на вас с такой яростью да еще и на глазах у всей публики? Вор? Сомнительно. Картежник, которому вы должны? Не думаю. Мне присылали вашу характеристику, так что я знаю — азартные игры вы презираете. Остается самый банальный и потому самый вероятный мотив — ревность. Итак, на вас напал обманутый муж. Я ведь прав?

Уайт вздохнул, невольно вспоминая отправленного в нокаут почтового чиновника и его смешливую молодую жену.

— Вам бы, сэр, в Скотленд-Ярде работать, — с трудом выдавил Уайт.

— Я человек логики, а логика подсказывает, что работать следует там, где платят больше.

Господин Невермор откинулся на спинку роскошного кожаного кресла. Блеснули дорогие перстни.

— Господин Уайт, — Невермор заговорил угрожающе тихо. — Через месяц я отбываю в Санкт-Петербург. Если за время моего отсутствия вы вдруг меня подведете, то поверьте, я сделаю все, чтобы вы отправились в самое жалкое и самое отвратительное место на всей земле.

— Помилуйте, только не в Ирландию!

Невермор замер. Прошло несколько секунд. Неожиданно с его тонких губ сорвался легкий смешок. Атмосфера чуть разрядилась. Предложив гостям сигары, Невермор заговорил с прибывшими о делах. Работы предстояло много, и разговор затянулся на несколько часов. Наконец Невермор выпустил в потолок синеватый табачный дым и произнес:

— Господин Гамильтон останется при мне — ему еще требуется набираться опыта. А что до вас, господин Уайт, вы человек в нашем деле бывалый,

а потому займетесь самым важным — разъездной работой.

Лицо Уайта озарила улыбка. Шанс оказаться подальше от начальства пришелся ему по душе.

— В таком случае я поселюсь в Симферополе, — тут же заявил он. — Столица губернии располагается в центре Крыма, все дороги сходятся там. Очень удобно для разъездов.

— И находится этот город в семидесяти милях от нашей конторы, — дополнил Невермор, отлично понимавший истинную причину такого выбора. Он помолчал, немного подумал и наконец медленно кивнул: — Хорошо. Действуйте. Но запомните, я не прощаю людей, которые меня подводят. Никогда. Вам это понятно?

Вскоре разговор был закончен, и господин Уайт оказался предоставлен сам себе. Времени терять он не любил, а потому уже через пару часов Феодосия с ее шумом и пылью осталась позади. Нанятая коляска, подпрыгивая на ухабах, неслась по холмистой дороге. Арчибальд Уайт, с комфортом устроившись на мягких сиденьях, блаженно улыбался. Он думал о многом. О крымских девушках, смуглых и черноглазых, о своей искренне любимой невесте, прекрасной Мэри Энн, уже пятый год дожидавшейся его в туманном Ливерпуле, о многочисленных поручениях начальника, о местных винах и о еще большей свободе, которую он по-

лучит, когда Невермор уедет в холодный Санкт-Петербург.

Он не думал лишь об одном. О смерти. О том, что не дождется его ни прекрасная Мэри Энн, ни дорогой сердцу Ливерпуль. Что очень скоро вместо ослепительной небесной лазури будет над ним темная, влажная земля. О том, что с каждым поворотом колес он приближается к своему убийце.

Всего этого господин Уайт пока еще не знал, а потому улыбался. Ослепительно и безмятежно.

